

Для цитирования: Белоконов С. Ю., Хоконов А. А. Политические условия и институциональные основания распространения денежных суррогатов в 1917—1922 гг. в России // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 130—139.

УДК 321:338

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СУРРОГАТОВ В 1917—1922 гг. В РОССИИ

Белоконов Сергей Юрьевич,

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации,
руководитель департамента политологии,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 125993,
г. Москва, Ленинградский просп., 49.
Email: SYBelokonev@fa.ru

Хоконов Анзор Альбертович,

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации,
доцент департамента политологии,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 125993,
г. Москва, Ленинградский пр., 49.
Email: dr_enzo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются условия, институциональные основания и последствия «парада» денежных суррогатов, получивших повсеместное распространение в России после революционных событий 1917 года. Осуществлена попытка рассмотрения становления денежного обращения в России в политическом и историческом контекстах. Определяется влияние регламентации денежных отношений на становление государственного суверенитета. Через обращение денежных средств антисоветских эмитентов анализируются социально-политическая обстановка в стране в период 1917—1922 гг. Показано влияние монетарной политики и системы денежного обращения на характер и параметры реализации государственной власти.

Ключевые понятия:
социально-политический кризис,
государственная власть,
денежный суррогат,
экономический суверенитет.

Обеспечению стабильного функционирования государства служит система гарантий, на которую опираются все субъекты государственной власти в процессе реализации своих полномочий. Эта система включает в себя блоки гарантий политического, юридического, организационного, социокультурного и экономического порядка.

В указанном контексте фундаментом блока экономических гарантий, наряду с ростом производительности труда и объемов производства, является единая и централизованная система регламентации денежных отношений в государстве, в основе которой лежат условия, формы и порядок обращения национальной валюты. Через установление правил денежного обращения и выстраивание соответствующей инфраструктуры органы государственной власти создают условия для регулирования хозяйственной жизни, осуществления учетных и контрольных функций. Тем самым государство сокращает пространство для осуществления и финансирования противозаконной деятельности.

Из обозначенного следует, что власть государства, в современном его понимании, строится помимо прочего и на его монопольном праве продуцировать специфический товар, способный выступать универсальным, единственно законным на всей территории страны средством платежа, т. е. «исключительным праве на эмиссию национальной валюты и регулирование порядка обращения денежных знаков — неотъемлемой части государственного суверенитета» [22, с. 155]. В связи с этим эмиссия наличных денег и признание именно их законным средством наличного платежа имеют и непосредственно политико-правовое значение [8]. Утрата государством экономического суверенитета означает утрату им своего материального базиса и экономической правосубъектности, что в конечном итоге может привести к тому, что соответствующее публично-правовое образование перестанет существовать как субъект международного права [6, с. 4—5]. Влияние монетарной политики и системы денежного обращения на характер и параметры реализации государственной власти настолько велико, что отдельные исследователи рассматривают денежную власть как самостоятельную ветвь государственной власти [23, с. 42], с чем, на наш взгляд, учитывая специфический конституционный статус Центрального банка в Российской Федерации, можно отчасти согласиться.

В периоды масштабных кризисов и потрясений (революций, войн и т. д.) любой этио-

логии, а также в иных чрезвычайных экономических и политических условиях система государственного управления дает сбой и теряет способность эффективно регулировать общественные отношения, трансформация которых происходит одновременно. Институты государственной власти не успевают к ним адаптироваться, выстроить новую нормативную и правовую базы, конфигурацию органов власти адекватных новым реалиям. В этих условиях для разрешения сложившихся противоречий автономно (без участия государства) запускаются внутренние механизмы социальной саморегуляции, которые способствуют устранению возникших проблем¹. В системе денежного обращения в отдельные моменты истории в качестве подобных механизмов существенное значение приобретали так называемые «денежные суррогаты».

Денежный суррогат (лат. *surrogatus* — поставленный взамен) — заместитель законно установленного платёжного средства, произвольно вводимый в обращение экономическими агентами для решения отдельных вопросов хозяйствования.

С правовых позиций денежным суррогатом в Российской Федерации являются объекты, способные одновременно выполнять все, часть или одну из функций валюты РФ. Денежные суррогаты, выпущенные на территории РФ и способные одновременно выполнять все установленные законом функции валюты РФ без согласия государства, являются нелегитимными денежными суррогатами [14, с. 61]. Таким образом, сущностной характеристикой денежных суррогатов, отличающей их от иных платежных средств, имеющих хождение на территории страны, является их непризнание со стороны государственной власти в качестве законного платёжного средства.

В основе глубоких проблем денежного обращения, обострившихся в России после Февральской революции 1917 г., лежали как политические, так и экономические факторы, а позднее и производные от них причины организационно-технического характера.

Факторы политического блока были следствием глубокого системного кризиса государственной власти, ясно обозначившегося к 1905 г. и проявившегося после вступления России в Первую мировую войну.

¹ В современных условиях при возникновении подобных проблем возможно использование практики перераспределения части государственных функций бизнес структурам и институтам гражданского общества.

Факторы экономического порядка, с одной стороны, были следствием беспрецедентной реформы мировой финансовой системы. «Основным моментом, определившим перемены в области денежного обращения, явилось то, что Россия, как и другие страны, в 1914 г. перешла от системы золотого монометаллизма к системе бумажных денег и стала проводить выпуски бумажных денег для пополнения бюджетного дефицита. С другой стороны, Россия в это же время вступила в полосу бумажно-денежной инфляции, на почве которой развернулись процессы расстройств хозяйства» [9, с. 14]. Начиная с 1914 г., рубль обесценивался быстрыми темпами. «За 10 лет денежное обращение России до известной степени проделало полный круг в своей эволюции. Старый русский рубль, с которым страна вступила в войну, погиб в процессе войны и революции, обесценившись в 50 миллиардов раз» [9, с. 14].

В результате крушения национальной системы денежного обращения после революционных потрясений февраля и октября 1917 г. на территории бывшей Российской империи одновременно стали обращаться советские общегосударственные выпуски, которые фактически таковыми не являлись. Существовали в великом множестве местные деньги — денежные эмиссии банковского, муниципального, кооперативного типа, выпускали свои деньги бывшие национальные окраины. Но при всей невообразимой пестроте денежных знаков, обращавшихся в 1918—1922 гг. в России, их объединяла (за редким исключением) общая черта — это были деньги, ценность которых являлась чисто условной [25, с. 5].

Масштаб распространения денежных суррогатов иллюстрируют сведения о 20 тысячах видов денег и денежных суррогатов, обращавшихся в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Только на Украине обращалось 4 тысячи разновидностей карбованцев и гривен [20]. Свои особые местные и военные деньги печатались в Туркестане, Закавказье, на Дальнем Востоке [26]. Наибольшее разнообразие денежных знаков, вносящее хаос в экономические и торговые отношения, наблюдалось на белом Юге. По свидетельству Главкома ВСЮР А. Деникина, здесь имели хождение «романовские» деньги, керенки, украинские суррогаты Директории и гетмана Скоропадского, денежные знаки Терского Совета, марки Терской республики, чеки грозненского казначейства, донские деньги атамана Краснова [16, с. 334—335] и др.

В период социально-политических катаклизмов политическая власть способна оказывать большее влияние на курс национальной валюты, нежели экономика. Это связано с тем, что обращение современных бумажных денег (во всех развитых странах мира) строится на их доверительной стоимости, которая является производной от уровня доверия к эмитенту — государственной власти — со стороны хозяйствующих субъектов и населения. Государство, учитывая доверительную стоимость современных денег, с помощью права устанавливает их функции [13, с. 49]. Однако при возникновении подозрений в легальности и/или легитимности эмитента доверительная стоимость денег начинает стремительно падать.

Подобные процессы вкупе с революционными событиями неизбежно сопровождаются замещением обесценивающейся валюты, в рассматриваемый период «романовского» рубля, в денежном обращении другими инструментами. И такими инструментами становятся денежные суррогаты¹.

Практически сразу после вступления России в Первую мировую войну и последовавшего кратного увеличения расходов бюджета объемы бумажной эмиссии значительно выросли (см. таблицу).

Ускоренная эмиссия бумажных денег закономерно привела к значительному росту денежного предложения. Так, если в январе 1914 г. в обороте находилось 1665 млн р., то в январе 1917 г. — 9225 млн, а уже в январе 1918 г. денежная масса достигла астрономической цифры — 27 313 млн р., т. е. денежная масса за 4 полных года увеличилась в 16 раз. После вступления в Первую мировую войну и до Февральской революции посредством эмиссии бумажных денег правительство покрыло из общей суммы военных расходов 8317 млн р. или почти треть

¹ В кризисные периоды развития общества и государства значительно раньше появления денежных суррогатов, а позднее параллельно с их распространением развиваются бартерные отношения (натуральный товарообмен). Классическая политическая экономия выделяет 4 причины развития бартерных отношений: 1) низкий уровень участия в разделении труда; 2) необходимость экономии денег; 3) дефицит денег в обращении; 4) высокие темпы инфляции.

В силу того, что натуральный товарообмен осуществляется без какого-либо участия государственных институтов и без использования законных платежных средств, государственные органы лишены возможности осуществлять учетные и контрольные функции по отношению к товарообороту. По этой причине конкретные данные об удельном весе натурального товарообмена в структуре расчетных отношений в рассматриваемый период отсутствуют.

[15, с. 86]. Второе место по своему удельному весу в финансовом обеспечении войны до февраля 1917 г. занимали внутренние займы, уступая лишь бумажно-денежной эмиссии [21, с. 13—15].

Подобная практика поиска денежных средств широко применялась и на местах. Так, в Архангельске в 1916 г. был выпущен уже третий заем города на сумму 3 миллиона рублей [17, с. 18].

В функционале денег из драгоценных металлов в период социально-политической и экономической нестабильности начинается доминировать функция *средства накопления*, что отчетливо проявилось в послереволюционной России. Сразу после начала Первой мировой войны из денежного обращения, строго в соответствии с законом Грэшема², стали исчезать золотые и серебряные монеты — высоколиквидные ценности. В результате в национальной денежной системе образовался вакуум, который необходимо было заполнить.

Стохастическое развитие рынка денежных суррогатов в обозначенный период истории страны, несмотря на постоянно осуществляемую эмиссию, было также следствием моновекторности денежных потоков, отсутствия циркуляции в денежной системе страны. «Выйдя из государственного казначейства, они (деньги) добираются до какого-нибудь чулка, сапога или сундука, откуда на свет уже больше не появляются. Деньги из государственного банка вынимаются, но назад не возвращаются. При таких условиях очевидно, что, какое бы количество денег ни выпускали, их всегда будет мало» [5, с. 57].

Дальнейшее развитие обозначенных процессов привело к тому, что «денежные знаки в период с 1914—1917 гг. выпускались не только местными гражданскими властями, но и русскими и иностранными командованиями» [4, с. 11] на оккупированных территориях. Очевидно, что курсы этих денег, как и курсы национальных валют воюющих стран, находились в прямой зависимости с вестями с германского фронта, даже ло-

² Закон Грэшема (Закон Коперника — Грэшема) — монетарный принцип, гласящий, что деньги, искусственно переоцененные государством, вытесняют из обращения деньги, искусственно недооцененные им. Данный механизм был выделен Николаем Орезмом (Nicolas Oresme) в 1366 г. и Н. Коперником (польск. Mikołaj Kopernik) около 1526 г., окончательное оформление получил в работах Т. Грэшема (Т. Gresham). См.: Macleod H.D. The History of Economics. New York (Putnam), 1896. P. 37—39; Macleod H.D. Elements of Political Economy. New York, 1857. P. 477.

Объем денежной эмиссии в России в период с 1914 по 1921 год [9, с. 66]

Год	Доходы бюджета	Расходы бюджета	Бюджетный дефицит	% дефицита к общему итогу расходов	Эмиссия
1914	2961	4859	1896	39,1	1283
1915	3001	11 562	8561	74,0	2670
1916	4345	18 101	13 756	76,0	3480
1917	5039	27 607	22 568	81,7	16 403
1918	15 580	46 706	31 126	66,6	33 500
1919	48 959	215 402	166 448	77,3	164 200
1920	159 604	1215 159	1 055 555	86,9	943 600
1921	4 139 900	26 076 816	21 936 916	84,1	16 375 300

кальные победы и поражения армий становились факторами значительной волатильности курсов.

Временное правительство глубокие проблемы, имевшие место во всех сферах общества, пыталось решить с помощью эмиссии, что подрывало и без того слабую экономику. Можно сказать, что печатный станок в этих условиях стал работать на приближение большевистской революции. Проблемы с обращением денежных знаков Временного правительства были связаны и с тем, что его политика критически оценивалась в Европе, что, естественно, накладывало отпечаток на курсы валют. Дополнительным фактором ослабления экономики стал массовый вывоз русского золота за границу.

Уже в период Первой мировой войны за стремительно обесценивающиеся царские деньги крестьяне отказывались обменивать свою продукцию, а «керенки» тем более долгое время не воспринимались населением.

Большим недостатком «керенок» являлось отсутствие отдельных атрибутов настоящих денег — серии, номера, подписи ответственного лица финансового института — эмитента, что создавало большой простор для фальшивомонетничества. Но самой большой проблемой «керенок» было отсутствие у Временного правительства внятной политической программы, понятной и одобряемой населением страны, налицо была и несостоятельность выправить политическую ситуацию. В сумме эти два обстоятельства способствовали их быстротечному обесцениванию.

Таким образом, именно «при Временном правительстве» начался процесс окончательного распада денежной системы России, что послужило дополнительным, но достаточно мощным импульсом для развития центробежных сил в огромной империи [17, с. 23].

Покрытие дефицита бюджета при помощи эмиссии является паллиативом, крайней мерой, позволяющей государству оперативно покрывать экстраординарные расходы,

но создающей серьезные риски для стабильного функционирования экономики уже в краткосрочной перспективе. Предпочтительным является пополнение бюджета посредством политики ДНК (доходы — налоги — кредиты (займы)). Однако потребности государства в финансовых ресурсах в рамках данной политики ограничиваются рядом естественных факторов — параметрами национальной экономики, в частности размерами налогооблагаемой базы и т. д. В условиях же тектонических потрясений во всех сферах функционирования общества, в полосе которых находилась Россия в период с 1914—1922 гг., возможности пополнения бюджета неэмиссионным путем значительно сузились в связи с интенсивным вывозом финансовых ресурсов, оттоком человеческого капитала, разрушением системы хозяйственных связей и, в конце концов, с объективно сократившимися возможностями самого государства выполнять свои функции, осуществлять сбор налогов.

Перед сменившими Временное правительство большевиками встали сложные задачи по увеличению доходов бюджета и отказу от максимально большого числа обязательств, прежде всего финансового характера, — тяжелого наследия предыдущих властей. В короткие сроки необходимо было осуществить масштабные мероприятия в области денежного регулирования — ввести новые собственные деньги и вывести из оборота старые. В обращении находилось большое количество суррогатов (чеки, боны, марки, облигации государственных займов, обязательства казначейства). Перед страной возникла угроза полного финансового краха» [17, с. 24]. В то же время валютная система, унаследованная большевиками от предыдущих властей, «была непригодна для нужд социалистического государства, и требовалось создание новой валютной системы отвечающей целям строительства социализма» [12, с. 28]. Несмотря на идеологическое неприятие большевиками

денег, необходимость искоренения которых была обозначена в программе Российской коммунистической партии (большевиков)¹ в 1919 г., первые шаги на пути к отказу от денег показали им бесперспективность подобной экономической модели и отсутствие альтернативных инструментов организации расчетов. В результате деньги в большевистской России «остались», изменился только их идеологический базис — «Великая Октябрьская социалистическая революция, установившая диктатуру пролетариата, превратила деньги из орудия буржуазии в орудие рабочего класса» [24, с. 198], а эмиссия стала рассматриваться как «источник средств социалистического государства...» [2, с. 67] В начале 1919 г. Советское правительство ввело в обращение свои первые деньги — расчетные знаки. В марте вышли расчетные знаки небольших номиналов, а в конце года были выпущены высокономинальные купюры [3, с. 130], но данная мера не способствовала значительному улучшению ситуации с денежным дефицитом. Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным за время прошедшее с Октябрьской революции успел получить значительную поддержку на местах и показал себя эффективным в части решения проблемы «врагов революции», однако в условиях Гражданской войны и активных действий со стороны Антанты правительство страны не имело возможности уделить должное внимание вопросам стабилизации денежного обращения. Источником проблем для курса являлось и то, что в первые послереволюционные годы правительство по очевидным причинам не смогло запустить систему взимания налогов. Экспорт-импортные операции, ввиду отсутствия возможностей для контроля государственной границы, не приносили доходов в бюджет, и эмиссия являлась, по существу, основным источником решения финансовых проблем молодого советского государства.

Новые советские деньги не попадали на окраины империи в силу отсутствия стабильно функционирующих государствен-

ных финансовых институтов на местах, т. е. отсутствия инфраструктурного обеспечения денежного обращения. Выходом из ситуации стала эмиссия региональными большевистскими властями собственных денег с расчетом на их замену на общегосударственные деньги в перспективе. Следует отметить, что практически все первые проводимые Советской властью мероприятия в сфере денежного обращения неизменно сопровождались изменениями наименований, номиналов и внешнего вида денежных знаков. Однако замена одних денежных знаков другими не позволяла решить главную проблему денежного обращения, которая была обусловлена утратой доверия к этим знакам со стороны населения [10, с. 63].

Печатание своей валюты для антисоветских государственных образований было и вопросом престижа, эмиссия повышала их легитимность, проводила демаркационную линию между ними и откровенно бандитскими образованиями. В конечном счете, собственные деньги должны были способствовать формированию у населения ощущения стабильности и основательности новых властей. При этом эмиссия оставалась важнейшим источником финансирования их деятельности. Так, оплачивая фактически отбираемое у населения имущество собственными деньгами, атаманы и командующие армиями — лидеры сепаратистских новообразований — формировали экономическую зависимость и в определенной мере лояльность у населения, масштабы которых были прямо пропорциональны объему денежных знаков соответствующих эмитентов на руках.

Омское правительство Колчака приступило к управлению в чрезвычайно сложных политических и экономических условиях. Полное расстройство денежного обращения на подконтрольной территории характеризовалось, с одной стороны, недостатком денежных средств, а с другой — большим их разнообразием. Так, кроме «романовских» и «керенских» денежных знаков, таких суррогатов, как облигации Займа свободы, купоны государственных процентных бумаг, в обращении находились деньги местного изготовления (чеки банков, кредитные билеты, выпущенные большевистскими правительствами Сибири т. д.). «Сложность ситуации усугублялась тем, что общее количество знаков, обращавшихся на территории Сибири, учету не поддавалось» [25, с. 21]. В этих условиях с целью решения проблем денежного дефицита, упорядочивания денежного обращения, организации учета

¹ «В области денежного и банковского дела... Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготавливающих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.». Программа Российской коммунистической партии (большевиков) 1919 г.: принята VIII съездом партии 18—23 марта 1919 г. взамен Программы РСДРП 1898 г. : стеногр. отчет. М. : Коммунист, 1919).

Колчаковское правительство осуществило масштабную эмиссию бумажных денежных знаков, «к 1 мая 1919 г. были отпечатаны обязательства на сумму 4 895 000 000 рублей, а разменные знаки — на 37 479 тысяч рублей» [1, с. 61].

Характерной чертой «колчаковских» денег было их плохое качество, некачественными были как бумага, так и печать. Низкая износостойкость купюр и плохое качество полиграфии не способствовали их укоренению в регионе как полноценного платежного средства. Не способствовало авторитету сибирских рублей и установление лажей при их обмене. Так, лаж на «романовские» деньги доходил до 60 %, а на «керенки» — до 30 % [25, с. 24]. Можно утверждать, что размер лажа может служить достаточно информативным индикатором если не политических пристрастий населения, то их политических ожиданий.

Большие надежды правительство Колчака возлагало на заказанную в США еще Временным правительством партию денежных купюр. Получение «американских» рублей, отпечатанных на качественном уровне, недоступном для фальсификации кустарным способом, позволило бы:

- вытеснить денежные суррогаты иных эмитентов на подконтрольной территории и централизовать денежное обращение;
- выполнить свои обязательства перед населением и тем самым получить дополнительные гарантии своей власти.

Несмотря на то что Антанта признала права Омского правительства, переговоры о передаче первой партии между представителями Колчака и American Bank Note Company продолжались до осени 1919 г., к этому времени Белое движение, потерпев ряд поражений, уже находилось в критической ситуации, и деньги из-за океана не могли отсрочить крах колчаковской экономики.

В конце 1920 г. Гражданская война на большей части территории России подошла к концу, и у советских властей появилась возможность приступить к стабилизации денежного обращения в стране. В основу государственной политики в данной сфере были положены следующие организационные принципы:

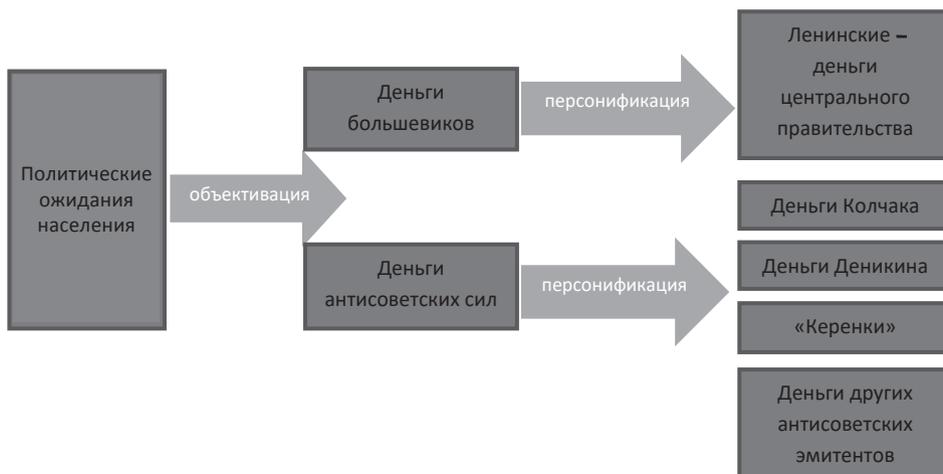
- эмиссии местных советских властей обменивались на деньги центрального правительства;
- деньги «окраинных советских республик» оставались в обращении до начала благоприятных условий;

— денежные знаки иных эмитентов аннулировались [3, с. 141].

«Практически на всех территориях складывалось смешанное обращение разных денег, иногда десятков их видов. Пропорции их обмена устанавливались стихийно» [3, с. 131]. При игнорировании отдельных факторов экономического и организационного порядка можно утверждать, что формирование денежного обращения на отдельных территориях России в период 1917—1922 гг. происходило через оформление политических ожиданий населения в денежные средства отдельных эмитентов в рамках двуединого процесса объективации и персонификации (см. рисунок). На первом этапе имела место объективация ожиданий на основе дихотомии «деньги большевиков — деньги антисоветских эмитентов», на следующем этапе в рамках персонификации денежных средств первостепенное значение приобретала личность лидера, его восприятие массами в качестве будущего политического руководителя. Это в значительной мере облегчало выбор в пользу отдельных денег в условиях отсутствия достоверной и полной информации о политической ситуации в целом по стране¹.

В рассматриваемый период обращению бумажных денег отдельных эмитентов способствовало бы их официальное признание властями иностранных государств, это стало бы импульсом для превращения данных суррогатов в полноценный инструмент накопления хотя бы на короткие сроки (например, до переезда за границу). Эта сложная с точки зрения реализации процедура способствовала бы с одной стороны укреплению позиций отдельного суррогата в качестве платежного средства и средства накопления, а с другой стороны — дискредитации советской власти как эмитента. 28 декабря 1918 г. в Лондоне состоялась встреча представителей Англии, Франции, Японии и США, посвященная поискам выхода из критической ситуации, сложившейся в денежном обращении «освобожденных» территорий России.

¹ Романовские бумажные деньги обращались до 1920 г., в основе данного явления лежало помимо денежного дефицита то, что территориально удаленные регионы не получали адекватную информацию о делах в «центре» и не имели возможности осуществить полноценный анализ и прогнозирование событий, благодаря чему возможность возврата монархической власти Романовых на окраинах империи воспринималась более вероятной. При этом предполагалось, что царское правительство, вернувшееся к власти, не признает финансовые обязательства своих преемников.

Оформление политических ожиданий населения в денежные средства отдельных эмитентов

В частности, большое внимание уделялось «нормализации» денежного обращения Сибири на основе твердого «интернационального» рубля [25, с. 19]. Проблема заключалась в том, что в случае реализации этого плана вся Сибирь и весь Дальний Восток перешел бы под тотальный финансовый, а позднее и под политический контроль стран-кредиторов. Оценив возможные риски, Омское правительство отказалось от данной идеи. Альтернативой «интернациональному» рублю могла бы стать единая денежная единица «белой» России, но и этот вариант в силу территориальной и политико-управленческой фрагментации Белого движения реализован не был.

С самого начала политико-правового оформления Белого движения финансовое обращение явилось важнейшим фактором жизнеспособности возникавших на окраинах России антисоветских государственных образований [16, с. 331]. Формирование единого финансового центра стало бы мощным консолидирующим и легитимирующим фактором для всех этих сил и прежде всего для Белого движения.

Фактической датой окончания периода интенсивного роста денежных суррогатов на территории России можно считать 13 октября 1922 г., когда вышло постановление СНК РСФСР «О запрещении выпуска денежных обязательств на предъявителя», в котором, в частности, отмечалось, что в целях урегулирования денежного обращения выпуск какими бы то ни было учреждениями и предприятиями РСФСР, автономных и союзных республик денежных обязательств на предъявителя (облигаций, бон, вкладных билетов, свидетельств о займе и т. п.) разрешается не иначе, как в силу постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР по представлению Народного

Комисариата финансов [18]. Однако отсутствие в советской денежной системе твердой валюты с относительно неизменной покупательской способностью не позволяло окончательно стабилизировать денежное обращение. В связи с этим обозначилась настоятельная необходимость возврата к эмиссии обеспеченных бумажных денежных знаков [10, с. 65]. Тем более необходимость унификации денежного обращения актуализировалась после отхода от политики военного коммунизма и провозглашением Новой экономической политики (НЭП), начало реализации которой в российской историографии принято связывать с решениями X съезда РКП (б), проходившего 8—16 марта 1921 г. Логическим следствием этих процессов стала денежная реформа 1922—1924 гг., в значительной степени стабилизировавшая денежную систему страны и создавшая предпосылки для поступательного развития экономики через установление базовой денежной единицы — червонца¹, с которым уже не могли конкурировать денежные средства сепаратистских эмитентов. «Уже в 1925 г. червонец официально котировался на валютных биржах Австрии, Италии, Китая, Монголии, Персии, Турции, прибалтийских государств. Широкие полуофициальные операции с советской банкнотой производились в Великобритании, Германии, Польше, США и других странах» [3, с. 167].

Денегные суррогаты имеют двойственную природу. С одной стороны, как отмечалось

¹ В рамках реформы червонец стал равен российской дореволюционной золотой десятке. Золотое содержание червонца определялось в 7,742234 г. (1 золотник 78, 24 доли) чистого золота. Цит. по: Дегтев С. И. Реформа денежной системы в нэповской России // Денегные реформы в России: история и современность. М., 2004. С. 139.

в начале, будучи внутренним механизмом саморегуляции, они выполняют защитную функцию национальной экономики, компенсируют недостатки государственного денежного регулирования. Заполняя определенный вакуум в сложные периоды становления и кризисов государственности, выступают стабилизатором экономики и способствуют ее развитию. В то же время, история России 1917—1922 гг. показала, что с точки зрения государственной безопасности развитие денежных суррогатов при условии, что эмитентами являются национальные резиденты, становятся барьером на пути проникновения иностранных валют¹ (иностранного финансового контроля) на территорию страны. Позднее после прохождения кризиса деньги национальных эмитентов легко вытесняются из обращения национальной валютой.

С другой стороны, денежные суррогаты, дублируя функции национальной валюты, формируют точки финансовой силы, конкурирующие с центральной государственной властью и дестабилизирующие политическую ситуацию.

Обозначенные обстоятельства определяют сложность и многогранность архитектуры денежных суррогатов, их изначальную протекционистскую сущность и безусловную конфликтность.

Денегные суррогаты представляют собой сложный экономический феномен, однако особенности их генезиса и несомненно деструктивный потенциал по отношению к государственной власти, присущий им имманентно, актуализируют необходимость их рассмотрения в рамках широкого междисциплинарного дискурса.

Анализ политических условий и институциональных оснований распространения денежных суррогатов позволяет выявить диалектические, системные связи между способностью государства регулировать денежное обращение и осуществлять суверенное государственное управление. Исследование обозначенных связей актуализировалась за последнее десятилетие как в России, так и во всем мире в связи с экспоненциальным ростом количества и распространением денежных суррогатов — криптовалют.

Очевидно, что в условиях широкой представленности и разнообразия денежных суррогатов выбор экономическими агентами денег того или иного эмитента в рамках

¹ Иностранная валюта является специфическим денежным суррогатом, особенностью которой является ее способность выполнять все установленные законом функции денег. См.: Крылов О. М. К вопросу о правовой категории «денежный суррогат» // Административное и муниципальное право. 2011. № 8. С. 58.

среднесрочных и тем более долгосрочных экономических взаимодействий является результатом мониторинга политической ситуации и перманентного процесса политического прогнозирования.

Денежное обращение в России после 1917 г. характеризовалось, с одной стороны, постоянным дефицитом денежных средств, с другой стороны — фактически нерегулируемой, постоянной денежной эмиссией со стороны новых политических властей на местах.

Многообразие денежных суррогатов в рассматриваемый период явилось свидетельством масштабного кризиса государственности, углубившегося после вступления России в Первую мировую войну, возникновения многочисленных очагов политической силы и следствием денежно-кредитной политики Временного правительства, находившейся в русле политики царских финансовых властей и носившей инерционный характер.

Обращение «романовских» денег в постреволюционный период было следствием не слепой веры населения в незыблемость самодержавия в России, а отсутствия альтернативных средств обращения и накопления на местах и неверия в жизнеспособность новых властей. При этом бумажные деньги в условиях отсутствия высоколиквидных финансовых инструментов (драгоценных металлов) и экономических знаний об инфляции были единственной доступной формой сбережений для широких масс населения.

Несмотря на повсеместную представленность денежных суррогатов в постреволюционной России, их распространение в системе денежного обращения было территориально неравномерным. Центр страны, Москва, Петроград страдали от денежного дефицита в значительно меньшей степени, чем периферия. Данное обстоятельство, а также желание правителей новых «независимых» республик иметь свои деньги запустило процесс «парада» денежных суррогатов на окраинных территориях страны.

Денежные отношения, будучи важной составляющей социально-экономических отношений, являются объективными индикаторами политических событий. Изучение роли денежных суррогатов в истории денежного обращения постреволюционной России позволяет под новым углом взглянуть на данный период развития страны, выявить институциональные противоречия и умонастроения российского общества.

Если агрегировать политические и экономические факторы возникновения и распространения денежных суррогатов в контексте единой теории, то денежные суррогаты явились в период с 1917 по 1922 г. естественной реакцией экономической сферы на

неспособность политической системы обеспечить нормально-стабильный режим ее функционирования.

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР). Оп. 894. Д. 26. Л. 61.

2. Батырев В. М. Денежное обращение в СССР (вопросы теории, организации и планирования). М., 1959. С. 67.

3. Белоусов В. Д., Бирюков В. А., Каширин В. В., Нестеров А. А. Российские денежные реформы : монография. М. : Дашков и К°, 2014. С. 130—167.

4. Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории бывшей Российской империи за время с 1769 по 1924 г. / под ред. Ф. Г. Чучина. М., 1924. С. 11.

5. Вопросы денежного обращения / под ред. А. Э. Ломейера. Пг., 1918. С. 57.

6. Грачев В. С., Серов К. Н. Правовые средства обеспечения экономического суверенитета современного государства // История государства и права. 2007. № 8. С. 4—5.

7. Дегтев С. И. Реформа денежной системы в неповской России // Денежные реформы в России: история и современность. М., 2004. С. 139.

8. Карасева М. В. Законное платежное средство: финансово-правовое регулирование // Финансовое право. 2006. № 9. С. 2—6.

9. Каценеленбаум З. С. Денежное обращение в России 1914—1924. М. ; Л. : Экон. жизнь, 1924. С. 14—66.

10. Кучеров И. И. Законные платежные средства: теоретико-правовое исследование : монография. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2016. С. 63—65.

11. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: документы и материалы. Владивосток, 1995. 216 с.

12. Константинов А. Ю. Валютная система социалистического государства // Финансы СССР. 1984. № 3. С. 28.

13. Крылов О. М. К вопросу о правовой категории «деньги» // Административное и муниципальное право. 2011. № 7. С. 4.

14. Крылов О. М. К вопросу о правовой категории «денежный суррогат» // Административное и муниципальное право. 2011. № 8. С. 61.

15. Малышев А. И., Таранков В. И., Смиренный И. Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. М. : Финансы и статистика, 1991. 496 с.

16. Медведев В. Г. Органы власти и законодательство антисоветских государственных образований «белой» России в годы Гражданской войны. М., 2014. С. 331—335.

17. Овсянкин Е. И. Архангельские деньги. 2-е изд., перераб. Архангельск, 2008. С. 18—24.

18. О запрещении выпуска денежных обязательств на предъявителя : Постановление СНК РСФСР от 13 окт. 1922 // Полное собрание законодательства СССР. URL: www.ussrdoc.com.

19. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) 1919 г. : стеногр. отчет. М. : Коммунист, 1919.

20. Рябченко П. Ф. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ. Киев, 1995. 670 с.

21. Страхов В. В. Внутренние государственные займы царской России периода Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 13—15.

22. Ситник А. А. Правовое регулирование национального денежного обращения // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). Вып. «Финансовое право». 2015. № 3. С. 155.

23. Тосунян Г. А., Викулин А. Ю. Деньги и власть. Теория разделения властей и современность. М., 1998. С. 42.

24. Финансовое право : учебник / под общ. ред. М. А. Гурвич. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 198.

25. Шиканова И. С. Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках: очерки по истории бонистики XIX—XX вв. М. : Нумизмат. лит., 2005. С. 5—24.

26. Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти 1917—1927. М., 1928. 401 с.

References

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (AVPR) [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. Op. 894, d. 26, l. 61 [in Rus].

2. Batyrev V.M. (1959) Denezhnoe obrashchenie v SSSR (voprosy teorii, organizacii i planirovaniya). Moscow, p. 67 [in Rus].

3. Belousov V.D., Biryukov V.A., Kashirin V.V., Nesterov A.A. (2014) Rossijskie denezhnye reformy. Moscow, Dashkov i K°, pp. 130—167 [in Rus].

4. Bumazhnye denezhnye znaki, vypushennye na territorii byvshej Rossijskoj imperii za vremya s 1769 po 1924 (1924). Moscow, p. 11 [in Rus].

5. Voprosy denezhnogo obrasheniya (1918). Petrograd, p. 57 [in Rus].

6. Grachev V.S., Serov K.N. (2007) *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 8, pp. 4—5 [in Rus].

7. Degtev S.I. (2004) Reforma denezhnoj sistemy v nepovskoj Rossii // Denezhnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost. Moscow, pp. 139 [in Rus].

8. Karaseva M.V. (2006) *Finansovoe pravo*, no. 9, pp. 2—6 [in Rus].

9. Kacenenelbaum Z.S. (1924) Denezhnoe obrashenie v Rossii 1914—1924. Moscow, Leningrad, Ekonomicheskaya zhizn, pp. 14—66 [in Rus].

10. Kucherov I.I. (2016) Zakonnye platezhnye sredstva: teoretiko-pravovoe issledovanie: monografiya. Moscow, Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, pp. 63—65 [in Rus].

11. Kolchak i intervenciya na Dalnem Vostoke: dokumenty i materialy (1995). Vladivostok, 216 p. [in Rus].

12. Konstantinov A.Yu. (1984) *Finansy SSSR*, no. 3, p. 28 [in Rus].

13. Krylov O.M. (2011) *Administrativnoe i municipalnoe pravo*, no. 7, p. 4 [in Rus].

14. Krylov O.M. (2011) *Administrativnoe i municipalnoe pravo*, no. 8, p. 61 [in Rus].

15. Malyshev A.I., Tarankov V.I., Smirennij I.N. (1991) Bumazhnye denezhnye znaki Rossii i SSSR. Moscow, Finansy i statistika, 496 p. [in Rus].

16. Medvedev V.G. (2014). Organy vlasti i zakonodatel'stvo antisovetskih gosudarstvennyh obrazovaniy «beloj» Rossii v gody grazhdanskoj vojny. Moscow, pp. 331—335 [in Rus].

17. Ovsyankin E.I. (2008). Arhangel'skie dengi. Arhangel'sk, pp. 18—24 [in Rus].

18. O zapreshenii vypuska denezhnyh obyazatelstv na predyavitelya: Postanovlenie SNK RSFSR ot 13 oktyabrya 1922 goda. Available at: www.ussrdoc.com [in Rus].

19. Programma Rossijskoj kommunisticheskoj partii (bolshevikov) 1919 g. (1919). Moscow, Kommunist [in Rus].

20. Ryabchenko P.F. (1995). Polnyj katalog bumazhnyh denezhnyh znakov i bon Rossii, SSSR, stran SNG. Kiev. 670 p. [in Rus].

21. Strahov V.V. (2000). Vnutrennie gosudarstvennye zajmy carskoj Rossii perioda Pervoj mirovoj vojny. Abstract of thesis. Moscow, pp. 13—15 [in Rus].

22. Sitnik A.A. (2015). *Vestnik Universiteta O.E. Kutafina (MGYuA). Vypusk «Finansovoe pravo»*, no. 3, p. 155 [in Rus].

23. Tosunyan G.A., Vikulin A.Yu., (1998). Dengi i vlast. Teoriya razdeleniya vlastej i sovremennost. Moscow, p. 42 [in Rus].

24. *Finansovoe pravo* (1940). Moscow, Yuridicheskoje izdatel'stvo NKYu SSSR, p. 198 [in Rus].

25. Shikanova I.S. (2005) Stranicy otechestvennoj istorii v bumazhnyh denezhnyh znakah. Oчерki po istorii bonistiky XIX—XX vv. Moscow, Numizmaticheskaya literatura, pp. 5—24 [in Rus].

26. Yurovskij L.N. (1928). Denezhnaya politika sovetskoj vlasti 1917—1927. Moscow, 401 p. [in Rus].

For citing: Belokonev S.Yu., Khokonov A.A. Political conditions and institutional foundation for distribution of surrogate currencies during 1917—1922 in Russia // *Socium i vlast'*. 2018. № 5 (73). P. 130—139.

UDC 321:338

POLITICAL CONDITIONS AND INSTITUTIONAL FOUNDATION FOR DISTRIBUTION OF SURROGATE CURRENCIES DURING 1917—1922 IN RUSSIA

Sergey Yu. Belokonev,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of the Department of Political Science, Cand. Sc. (Political Sciences). The Russian Federation, 125993 (GSP-3), Moscow, Leningradskiy prospect, 49. Email: SYUBelokonev@fa.ru

Anzor A. Khokonov,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Political Science, Cand. Sc. (Political Sciences). The Russian Federation, 125993 (GSP-3), Moscow, Leningradskiy prospect, 49. Email: dr_enzo@mail.ru

Annotation

The article considers the conditions, institutional foundations and consequences of the «parade» of surrogate currencies, which became widespread in Russia after the revolutionary events of 1917. An attempt is made to consider the formation of money circulation in Russia in political and historical contexts. The value of regulation of monetary relations on state sovereignty is determined. Through the circulation of funds of anti-Soviet issuers the socio-political situation in the country in the period 1917—1922 is analyzed. The influence of monetary policy and the system of monetary circulation on the nature and parameters of the implementation of state power is shown.

Key concepts:

socio-political crisis, state authority, surrogate currency, economic sovereignty.